

наиболее подходил для этого, — к Джону Робисону (1739—1805). Робисон до этого пробыл в России около четырех лет, сперва личным секретарем адмирала сэра Чарльза Ноулеса, которого Екатерина II пригласила реорганизовать русский военный флот, а затем профессором математики в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. После избрания на кафедру физики в Эдинбурге он возвратился летом 1774 г. в сопровождении трех юных кадетов, ставших первыми русскими студентами в университетских списках. Отвечая Робертсону, Робисон дал вполне взвешенную оценку роли Дашковой в «революции» 1762 г. и ее «весьма необычного характера, проявляющегося как в больших врожденных способностях и умственном развитии, так и в благородных принципах». ²² Далее он высказал суждение, что для юного Павла было бы лучше, если бы его княжеский титул оставался неизвестным для окружающих и он жил бы у него вдали от матери; Дашкова, однако, не была склонна следовать этим советам. На самом деле она предвидела для себя роль всесторонней любящей матери-покровительницы, заменяющей упорного, гордого отца, мудрого наставника и ментора.

Вскоре князь приступил к своим занятиям и в течение последующих трех лет он заносился в списки слушателей курсов, которые читали Хью Блэр (дважды), Робисон (дважды), Брюс (дважды), Дугалд Стюарт (дважды) и Адам Фергюсон. Предметы, преподававшиеся этими профессорами: риторика, логика, физика, этика, математика — все они предусматривались в первоначальном честолюбивом плане Дашковой, равно как и химия, которую преподавал Джозеф Блек. В письме к Блеку, написанном по возвращении в Россию, Дашков упоминал получение от него «многие добрые наставления и всевозможные одолжения». ²³ В ответном письме Блек назвал профессора Фергюсона и другого старого знакомого Дашковой — Вильяма Гринфильда, красноречивого проповедника, которому предстояло сменить в 1784 г. Блэра на кафедре риторики и литературы. ²⁴ О близких Дашкову друзьях-студентах сведений не сохранилось, за исключением молодого ирландца Вильяма Дреннана, стяжавшего впоследствии известность поэта и политика. Дреннан замечал: «Князь Дашков весьма прилежно посещает занятия и совершенно растопил русскую грубость во французской учтивости». ²⁵ По общим отзывам, Дашков был образцовым студентом, прилежным и вежливым, но не производил впечатления сильной личности. Он постоянно находился под бдительным оком своей матери, внимательно следившей за каждым мгновением его жизни. «Чтобы у сына был некоторый отдых от занятий и практика в танцах, еженедельно я давала балы. Кроме того, по моему настоянию он ходил в манеж поупражняться в верховой езде и через день брал уроки фехтования у превосходного

²² Ibid., f. 301.

²³ Edinburgh University Library, Ms. Gen. 873/II, f. 90.

²⁴ Ibid., f. 92.

²⁵ Цит. по: *Hyde H. M. The Empress Catherine and the Princess Dashkov.* London, 1935. P. 148.